

Михаил Велижев

К истории «московской фронды»:

С. Г. СТРОГАНОВ, А. ДЕ ТОКВИЛЬ
И НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ЧААДАЕВСКОГО СКАНДАЛА¹

Mikhail Velizhev

Towards the History of the “Moscow Fronda”: Sergei Stroganov, A. de Tocqueville
and the Unintended Consequences of the Chaadaev’s Scandal

Михаил Велижев (Университет Салерно, профессор; PhD) mvelizhev@unisa.it.

Mikhail Velizhev (PhD; Professor, Università degli Studi di Salerno) mvelizhev@unisa.it.

Ключевые слова: Стrogанов, Токвиль, право, самодержавие, Романовы

Key words: Stroganov, Tocqueville, autocracy, law, Romanovs

УДК: 323.22/.28

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_159

UDC: 323.22/.28

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_159

В статье рассматривается цепь эпизодов, объединенных темой противостояния двух концепций монархического правления — полностью авторитарической модели и модели, при которой самодержавная власть ограничена законом и аристократией. Главным героем исследования является граф Сергей Стrogанов, размышлявший над возможным ограничением императорской власти в 1836 году в ходе скандала, связанного с публикацией первого «Философического письма» Чаадаева, и в начале 1860-х годов, когда Стrogанов занимался образованием великого князя Николая Александровича. Цель работы — показать, как внутри лояльной монарху политической элиты вызревали проекты, призванные смягчить абсолютный характер русского самодержавия.

This article examines a chain of episodes connected by the theme of confrontation between two concepts of monarchical rule — a fully autocratic model and a model in which autocratic power is limited by law and aristocracy. The main protagonist of the study is Count Sergei Stroganov, who reflected on the possible limitation of imperial power in 1836 during the scandal surrounding the publication of Chaadaev’s first “Philosophical Letter”, and in the early 1860s, when Stroganov was engaged in the education of Grand Duke Nicholas Alexandrovich. The aim of the paper is to show how projects designed to soften the absolute character of the Russian autocracy developed within the political elite loyal to the monarch.

1

После разбирательства вокруг публикации первого «Философического письма» (Чаадаев объявлен умалишенным, издатель «Телескопа» Надеждин отправлен в ссылку, цензор Болдырев уволен от всех должностей, обсуждение письма в печати запрещено) стало окончательно понятно, что какая-либо дискуссия о содержании политической и религиозной истории России в публичном пространстве империи оказалась невозможной. Однако в то же время со-

1 Мы благодарны Е.М. Болтуновой, А.Н. Дмитриеву, А.Л. Зорину, Г.А. Орловой и И.Д. Прохоровой за комментарии и вопросы к нашему докладу на XXIX Банных чтениях. Мы признательны А.Л. Осповату, прочитавшему статью в рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний.

бытия 1836 года заставили активизироваться группу интеллектуалов, желавших проблематизировать политико-философскую повестку, но не считавших возможным маневрировать и достаточно финансово независимых, чтобы не бороться за экономический капитал, связанный с участием в формировании государственной идеологии. Желание со всей откровенностью отвечать Чаадаеву привело будущих западников и славянофилов к действиям внутри альтернативного публичного пространства, границы которого располагались вне подконтрольной официальному Петербургу сферы. Правила игры, допустимые в кругу избранных друзей и гостей дворянского салона, отличались известной свободой: здесь было разрешено спорить на самые разные темы. Идейное соперничество сопровождалось интенсивным институциональным строительством — появлением новых интеллектуальных центров и разгерметизацией университетской науки, привлекая не только студентов и ученых, но и светских людей².

Ключевую роль в становлении нового пространства политико-философских дебатов сыграла Москва — столица без двора. Определенная свобода от жесткого политического контроля, актуального для других частей империи, была присуща Москве давно. Впрочем, в период военного генерал-губернаторства князя Дмитрия Владимировича Голицына (1820—1844) степень ее автономии возросла: московское начальство последовательно оберегало отдельных представителей местного дворянства от вмешательства в его дела высшей имперской администрации. Вокруг Голицына и его сочувственника, попечителя Московского учебного округа графа Сергея Григорьевича Строганова возникло новое сообщество. Оно состояло из людей, профессионально занимавшихся образованием, науками и правом, некоторые из которых позже участвовали в подготовке Великих реформ³. В старой столице были созданы относительно тепличные условия, позволявшие салонным и академическим ораторам безбоязненно выражать собственное мнение. Платой за откровенность стала невозможность издавать свои тексты и ограниченность аудитории кругом посетителей частных собраний. Впрочем, ответ на вопрос об интеллектуальных истоках политической мысли, альтернативной идеологии официального Петербурга, следует искать не только в полемике западников и славянофилов.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, из всех сановников, участвовавших в разбирательстве вокруг чаадаевского дела, лишь московский попечитель Строганов мог осмысливать конфликт в терминах западноевропейской политической науки. Он усмотрел за ходом правительственных действий более широкий круг проблем, связанных с философским фундаментом системы государственного управления. Вероятно, реакция Строганова на конфликт отражала пристрастия высшей прослойки московской аристократии, участвовавшей в администрировании старой столицы. Так, Д.В. Голицын был не чужд политико-философских интересов — в частности, беседы подобного содержания он часто вел со своей сестрой Софьей Владимировной Строгановой. Оказавшись в 1843 году на водах в Карлсбаде, Голицын, как мы знаем из его писем к сестре, познакомился с Шеллингом, с которым, впрочем, побоялся вступить в дискуссию, не чувствуя себя достаточно к тому подготовлен-

2 Подробнее см.: [Велижев 2022: 77—109].

3 См.: [Боленко 2006; Кириченко 2002].

ным⁴. Строганов не являлся профессиональным ученым, однако его внимание к отдельным областям науки (в частности, к исследованиям древностей и к истории живописи) оставалось пристальным и устойчивым⁵. Политико-философские предпочтения Строганова описаны до сих пор не были. Оговоримся, что речь в данном случае идет не о четко артикулированной «программной» позиции, но об особом видении государственных вопросов, которое мы можем реконструировать по отдельным высказываниям попечителя Московского учебного округа.

2

Среди писем Строганова к его главному помощнику по университетским делам Дмитрию Павловичу Голохвастову за декабрь 1836 года находится писарский черновик личного письма попечителя к императору. По всей видимости, он лишь обсуждал с сотрудником послание монарху, но отправить его так и не решился. Копия текста находится сразу за письмом Строганова к Голохвастову от 17 декабря 1836 года. С определенной долей вероятности составление текста можно отнести к середине второй декады декабря 1836 года. Записка посвящена монаршему решению о судьбе ректора Московского университета и цензора «Телескопа» Болдырева. Напомним, что Николай I распорядился не только уволить Болдырева от цензорской должности, но и лишить его всех постов без надлежавшей за выслугу лет пенсии. Комиссия по чаадаевскому делу последовала за императорской волей. Именно этот вердикт и предполагал оспорить попечитель.

Как считал Строганов, принятое императором решение не соответствует закону. Впрочем, желание отменить некорректное, как ему казалось, предписание не привело Строганова к следованию правовым процедурам. Он не подал апелляцию по ведомственной линии, а решил прибегнуть к каналу, связанному с его особым придворным статусом. Как доверенное лицо монарха, он обладал правом (без сомнения, никогда не существовавшим на бумаге) в отдельных случаях лично сноситься с Николаем, что связывалось с «милостью» императора, дарованной за верную службу. Соблюдение закона Строганов намеревался требовать, пользуясь возможностью, возникшей в обход правил формального делопроизводства. При всем том письмо Строганова обладало рядом характеристик, которые позволяли отнести его к жанру бюрократического запроса. Во-первых, оно было написано по-русски, а не по-французски: в личных обращениях Николай французский язык позволял, в то время как в официальной переписке требовал лишь русского языка⁶. Во-вторых, черновик письма мос-

4 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 18. Письмо Д.В. Голицына к С.В. Строгановой от 14 августа 1843 года из Карлсбада: «Nous avons aussi les philosophes allemands. Schelling que je n'attaque pas parce que je ne suis pas préparé à cette controverse» («У нас здесь живут немецкие философы. Шеллинг, на которого я не наускаиваю, ибо не готов к подобным прениям»). Далее Голицын писал, что намерен посетить Прагу и познакомиться с Шафариком и другими чешскими литераторами, известными ему прежде лишь по переписке.

5 См., например: [Буслаев 1897; Чичерин 1929: 87, 133–134] и др.

6 Кроме того, существенно, что в данном случае русский вельможа обращался к русскому царю на русском языке, что придавало его высказыванию дополнительное символическое значение.

ковского попечителя монарху был писарским, а не собственноручным. Строганов доверил копирование конфиденциального документа секретарю. Вероятно, он не собирался делать из послания тайны. Наконец, в-третьих, письмо было написано исключительно в формальном духе и пестрило ссылками на Свод законов Российской империи. Перед нами достаточно своеобразный текст: он составлен в виде бюрократической бумаги, которая при всем том встраивалась в логику придворной, а не чиновничьей коммуникации.

Строганов пребывал в убеждении, что при принятии решения о Болдыреве закон оказался нарушен в двух своих ипостасях — как писанный свод действующих правовых норм и как отражение высшей монаршей воли. Он начал черновик (на лицевой стороне листа) с обращения к Николаю: «Вы закон в России; — закон один, для защиты всех!», — за чем следовала ссылка на устав о цензуре⁷. Строганов выстраивал следующую логику: воля императора есть единственный источник права в России, утверждавший равенство всех подданных перед законом. Она воплощена в Своде законов, который служил ее своеобразной эманацией. В силу этого обстоятельства а) противоречия между волей и законом существовать по определению не могло, б) отменой своего решения по Болдыреву Николай лишь восстановил бы справедливость, что никак не угрожало его статусу верховного законодателя.

На обороте черновика Строганов развивал свою мысль. По его мнению, устав о цензуре ясно свидетельствовал, что Болдырев если и мог быть отрешен, то только от звания цензора, но не от всех должностей сразу. Попечитель утверждал, что проступок «беспорочно служившего» ректора составлял «исключение, основанное на частном случае», а потому требовал особенного подхода — «уравнения» «мудрого закона» с «исключением». «Мудрость» цензурного законодательства 1828 года, как следует из формулировок черновика, состояла в снятии ответственности за вредные с политической точки зрения публикации с цензора, ввиду «трудности ответственности», на нем лежавшей. Как следствие, по большому счету совсем не Болдырева следовало считать ответственным за появление в «Телескопе» первого «Философического письма».

Каким же образом возникла несправедливость? Строганов давал ясное указание на источник нарушения в правовом поле: «Мне не известно как вообще о деле сем доложено В<ашему> В<еличеству>». Попечитель предполагал, что чиновники, поставившие императора в известность о «телескопическом» скандале, могли намеренно извратить факты, что и привело к деформации монаршей воли. Очевидно, что Строганов прежде всего указывал на роль в чаадаевском деле своих оппонентов — начальника III Отделения А.Х. Бенкендорфа и министра народного просвещения С.С. Уварова⁸. Дело касалось репутации монархического принципа, который и отстаивал Строганов, именно поэтому он и ссылаясь на «совесть» и «присягу», надеясь на «правоту» Николая.

Однако едва ли не самым любопытным в проекте письма представляется его вывод: «...я осмеливаюсь приостановиться приведением в исполнение означенного приговора и буду ожидать разрешения В<ашего> И<мператорского>

7 Текст собственноручного черновика здесь и далее цитируется по подлиннику: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 51—52 об.; писарский черновик письма, отправленный Строгановым Голохвастову, см.: ОПИ ГИМ. Ф. 404. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 70—71 об.

8 Подробнее см.: [Велижев 2007; 2010].

В«еличества» на сие всеподданнейшее представление». Строганов планировал нарушить субординацию, рассчитывая, конечно, на получение дальнейшей разрешительной санкции императора. Он стремился навязать Николаю специфический взгляд на соотношение воли монарха и формального права: если царь не отменит противоречившего Своду акта, то тем самым инвертирует базовый принцип, подразумевавший глубинную связь мудрой воли суверена и законодательства, берущего в ней свое начало. В этой конструкции действия монарха оказывались ограничены созданной по его собственному распоряжению правовой системой. Буква и дух закона обязывали императора следовать им же установленным правилам, освященным его сакральным авторитетом. Строганов брал на себя функцию интерпретатора монаршей воли и толкователя законов, в том числе выступая против решения, уже вынесенного царем⁹. Инициатива попечителя фактически утверждала механизм ограничения императорской власти. Для российской — в особенности николаевской — системы управления такое поведение высокопоставленного подданного было весьма нехарактерно.

3

Размышляя о соотношении закона и монаршей воли, Строганов заинтересовался недавним европейским политико-философским бестселлером — первым томом сочинения Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке» (1835). 16 декабря 1836 года, то есть ровно в момент составления письма к императору, попечитель писал Григорию Александровичу Строганову в Петербург: «...Могли бы Вы, дорогой отец, одолжить мне издание Токвиля о демократии в Американских штатах. Здешние обладатели этой книги таковы, что я не могу попросить ее у них, а книгопродавцы ее не имеют»¹⁰. Формулировка письма не исключала, что Строганов мог уже прежде читать или как минимум пролистывать первый том исследования Токвиля. Как бы то ни было, Г.А. Строганов оперативно выслал книгу и 1 января 1837 года Строганов-сын сигнализировал отцу о ее получении¹¹.

Связь между проектом послания к Николаю и вниманием Строганова к трактату «О демократии в Америке» представляется весьма вероятной¹²: по всей видимости, он уже вспоминал о книге Токвиля в контексте чаадаевского

-
- 9 Вероятно, Строганов вступался за Болдырева не только из любви к закону, но из-за того, что в ходе конфликта оказалась затронута репутация подведомственного ему учреждения — Московского университета, чьи профессора традиционно выполняли цензорские обязанности.
- 10 «...Pouvez vous mon cher Père me prêter l'ouvrage de Tocqueville, sur la Démocratie dans les Etats unis d'Amerique. <...> les personnes qui ont l'ouvrage ici ne sont pas du nombre de ceux auxquels je puis le demander et les libraires ne le possèdent pas» (РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 28; подчеркивание автора. — *М.В.*).
- 11 «J'ai reçu l'ouvrage de Tocqueville et vous le rapporterai moi même» («Я получил книгу Токвиля, я сам вам ее верну» (Там же. Л. 30)).
- 12 Как известно, с самого своего появления в печати первый том «О демократии в Америке» возбудил пристальный интерес в России и вызвал активную дискуссию, в которой, в частности, участвовали Пушкин, А.И. Тургенев и Чаадаев. Подробнее см.: [Алексеев 1987; Вольперт 2001; Дементьев 2016; 2020; Шоу 2003; Эткинд 1999; Thurston 1976].

скандала. Прочитав в середине октября 1836 года русский перевод первого «Философического письма», напечатанный в «Телескопе», Строганов не преминул указать Уварову на источники чаадаевских идей. Первый из них — это творения Ламенне, регулярно запрещавшиеся для распространения в России¹³. Вторая параллель куда менее очевидна: автор «Философических писем» энигматически именовался «апостолом Американской школы», титул, определенно перекликавшийся с «ролью либерала», которую, по словам чиновника, Чаадаев разыгрывал в московском обществе «вот уже 20 лет»¹⁴. Возможно, Строганов указывал здесь на соответствие одного из базовых пунктов социальной программы Чаадаева — критики крепостного права — знаменитому сравнению Токвиля между Соединенными Штатами и Россией: «В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство»¹⁵.

Напомним, что в первом томе «О демократии в Америке» Токвиль единственный раз писал о России и ее исторической судьбе — в заключении к своему исследованию. Финал книги отличался двойственностью: с одной стороны, России и ее «великому» народу, по мнению Токвиля, в будущем предстояло разделить с Америкой власть над миром, с другой — принципы, лежавшие в основе политического правления в России, имели отчетливо негативные коннотации — тотальное подчинение, полное отсутствие свободы, абсолютное доминирование монархической воли, способное трансформироваться в «тиранию цезарей». Американскую модель демократии Токвиль считал не подлежащей прямому заимствованию и переносу в страну с иными нравами и традициями, однако недавняя история Соединенных Штатов доказывала ключевой для французского философа тезис — хорошо функционирующую демократическую систему в современном ему мире построить реалистично. Рефлексируя над американским опытом с учетом собственных национальных особенностей, европейцы могли прийти к системе, позволяющей сдерживать тиранию. Токвиль пребывал в уверенности, что, как бы ни плоха была демократия, все равно именно ей суждено стать защитой от куда более страшного явления — превращения монархии в деспотию. В свете этого рассуждения слова о России звучали зловеще. Констатация могущества империи Романовых граничила с ощущением потенциальной угрозы, которую таило российское владычество над половиной света.

Не исключено, что Строганов мог уловить в салонных рассуждениях Чаадаева только что описанную амбивалентность. Чаадаев соглашался с Токвилем в том, что рабство не могло служить причиной безнадежного отставания России и в целом прекрасно сочеталось с ролью мирового гегемона. Наиболее явно исторический оптимизм Чаадаева выразился в его письме к Александру Ивановичу Тургеневу от 1835 года и в «Апологии безумца», созданной в феврале 1837 года под непосредственным впечатлением от скандала. В обоих текстах он утверждал, что именно в силу собственной отсталости России суждено стать одной из самых мощных держав в будущем. Нынешняя слабость

13 См.: [Общий алфавитный список... 1855: 195]. Со Строгановым был согласен А.И. Тургенев, отмечавший летом 1831 года в письме к В.А. Жуковскому, что Чаадаев «пишет à la Laménais и все чужь, но очень умно» [Из писем... 1900: 362]. См. также: [Riasanovsky 1977].

14 См.: [Чаадаев 2010: 506—509, 873—877].

15 См.: [Токвиль 2000: 296].

и юность империи интерпретировалась им как знак грядущего величия. В середине 1830-х годов Чаадаев мог излагать московским собеседникам обе точки зрения: пессимистическую, связанную с мрачными прогнозами первого «Философического письма», и оптимистическую, восходившую к письму Тургеневу и «Апологии безумца». Именно вариативность историософской схемы была способна подсказать Строганову сравнение сочинений (вернее, речей) Чаадаева с произведением Токвиля.

В ноябре — декабре 1836 года процесс над виновными в «телескопической» истории пошел не по тому сценарию, которого желал московский попечитель. Чаадаев и Надеждин подверглись вполне справедливому с его точки зрения наказанию, чего нельзя сказать о Болдыреве, служившем несколько десятилетий без единого штрафа и в один момент потерявшем все из-за интриг «придворной камарильи». Строганову стало понятно, что необходимы механизмы, призванные защитить монарха и освященное его авторитетом право от происков ложных толкователей закона. Как мы видели, он допускал даже отмену императорского решения, «спасавшую» царя от вынесения несправедливого вердикта, искажавшего суть правовой системы России. Здесь в поле внимания Строганова вновь попала книга Токвиля, но уже в ином контексте.

4

Какие идеи французского философа могли показаться Строганову актуальными в связи с решением по Болдыреву? В большей степени ситуации соответствовала интерпретация Токвилем закона в Америке и функций правоведов в американском обществе. Токвиль уравнивал монархическое правление и полновластную демократию — обоим режимам, по его мнению, была присуща тенденция к неограниченному произволу, подпитываемая «придворным духом», столь ненавистным Строганову и свойственным, согласно Токвилю, демократии не в меньшей степени, чем абсолютизму. Произвол лучше всего ограничивался законом при конституционной монархии, когда суверен и народ чтят власть права, поскольку именно она оберегала их от доминирования противоположной силы:

Одна и та же причина приводит монарха и народ к мысли о независимости государственных чиновников и к поиску гарантий, обеспечивающих невозможность злоупотребления этой независимостью — дабы не обернулась она против власти монарха или против свободы народа [Токвиль 2000: 166].

Легисты в демократической Америке служили своеобразной «аристократией», сопротивлявшейся «революционному духу» и «необдуманным страстям» большинства [Там же: 201]. Токвиль замечал, что «любому монарху было бы несложно сделать из служителей закона самых надежных поборников своей власти», поскольку «законоведы всему предпочитают порядок, а самая надежная гарантия порядка — это власть». Более того, по мнению французского философа, «деспотизму, опирающемуся на силу, они, возможно, сумеют придать черты справедливости и закона» [Там же: 205]. В этой перспективе едва ли не главным политиком в Америке выступал пожизненно избираемый судья, склонный к «порядку» и «правилам», обеспечивавший «стабильность» в функционировании государственных институтов. Знание закона ставило американ-

ских судей на исключительно высокую ступень в общественной иерархии и наделяло их большим политическим весом: «Американский судья имеет право признать закон неконституционным, поэтому он постоянно причастен к политической жизни страны. Он не может заставить народ принять тот или иной закон, но он может заставить его повиноваться принятым законам и не противоречить самому себе» [Там же: 207]. В последнем пассаже Токвиль прямо соотносил функции американских правоведов с полномочиями, которые стремился присвоить себе Строганов на финальном этапе чаадаевского дела: ограничить произвол власти, ссылаясь на закон, но во имя укрепления и консолидации самой власти.

Политическая концепция Токвиля могла привлекать Строганова своей гибкостью: французский мыслитель, рассуждая о праве и его служителях, не ограничивался исключительно описанием Америки. Наоборот, он смотрел на мир, как мы бы сейчас сказали, в компаративной перспективе: постоянные ссылки на судебные инстанции во Франции и Англии сопровождались анализом структуры политического правления как таковой, будь то монархия или демократия. Анализ Токвиля подталкивал к широким обобщениям и сопоставлениям: Строганов был вполне способен провести параллель между распределением полномочий между федеральным правительством и штатами и стремлением московской администрации к автономизации от Петербурга, с начала 1820-х годов лелеемым его ближайшим союзником Д.В. Голицыным и ставшим вновь злободневным в связи с чаадаевским делом.

5

Характерно, что интерес Строганова к проблеме правового ограничения самовласти не сводился исключительно к французскому или американскому контексту. В начале второй декады октября 1836 года, узнав о напечатании первого «Философического письма», встревоженный чиновник начал переговоры о дальнейших действиях со своим помощником Голохвастовым. Тогда же, 12-го октября, он написал развернутое письмо уже упоминавшемуся Г.А. Строганову, своему отцу, бывшему одним из членов Государственного совета. В послании попечитель намечал возможные темы для разговора с родителем в Петербурге, куда он рассчитывал отправиться в ноябре. Примечательно, что прежде всего Строганов планировал обсудить прусскую систему государственного управления:

...когда я приеду в Петербург, я доставлю себе удовольствие поболтать с вами, дорогой отец, о Пруссии и ее системе управления, я убежден, что вы имели случай наблюдать, проезжая по сей стране, каким мудрым и прогрессивным образом там все устроено: Гегель называл прусский стиль правления образцовым, Типом! я нахожу, что это весьма удачное определение. Ежели сравнить сию мудрость в действии с ходом дел во Франции, то придется признать, что за последние тридцать лет Франция ничему не научилась и, следовательно, ей нечему научить Европу¹⁶.

16 «...quand je viendrai à Pétersbourg je me fait une fête de causer avec vous mon cher Pere sur la Prusse et son système d'administration, je suis persuadé que vous avez été dans le cas d'observer en traversant ce pays la marche sage et progressive qu'il soit: Hégel appelait

Строганов противопоставлял прусскую систему французской, отдавал предпочтение первой и указывал на один из возможных источников собственных сведений о структуре управления в Пруссии — творения Гегеля. Речь, вероятно, шла о книге «Философия права», вышедшей в 1821 году. Предметом восхищения попечителя выступала наследственная монархия, основанная на идее права и публичной свободы. Согласно формулировке Гегеля, «в благоустроенной монархии объективная сторона принадлежит только закону, к которому монарху надлежит добавить лишь субъективное “я хочу”» [Гегель 1990: 324]. Разумеется, из этого отнюдь не вытекает, что Строганов задумывался о перенесении прусской модели в Россию. К тому же, согласно Гегелю, это было невозможно из-за отсутствия в империи Романовых третьего сословия [Там же: 336]. Однако сам по себе интерес попечителя к типам правления, опосредующим абсолютную власть с помощью закона, весьма красноречив.

Желание прочитать Токвиля или поговорить о юридической концепции Гегеля, возникшее у Строганова во время чаадаевского процесса, свидетельствует, что внутри московской административной элиты существовал запрос на правовую регламентацию действий самодержавной власти. При этом Строганов не был либералом, сторонником парламентской или конституционной монархии и свободы прессы. Скорее речь шла об ограничении произвола законом, на страже которого стояли аристократы, облеченные доверием императора. Однако так или иначе, но внутри николаевской администрации уже в середине 1830-х годов вызревала альтернативная модель политического устройства. В короткой перспективе ее сторонники не ставили самодержавие под сомнение, но в дальнейшем они могли предложить концепцию, способную оспорить идею тотального доминирования императора над другими игроками в системе государственного управления.

6

При жизни Николая Павловича попытки ввести действенные правовые регуляторы монархического правления шансов на успех не имели. Ситуация изменилась в 1855 году, когда Николай умер и на престол вззошел великий князь Александр Николаевич, вскоре инициировавший отмену крепостного права, о которой так мечтал Чаадаев. Наследником трона стал старший сын Александра II цесаревич Николай Александрович. В 1860 году составителем образовательной программы 17-летнего великого князя избрали бывшего попечителя Строганова, который к тому моменту успел год послужить московским военным генерал-губернатором (1858—1859)¹⁷. В царствование Александра II Строганов во многом сохранял прежнюю репутацию — чиновника, чей образ действий подпитывался разными по происхождению идеями. П.А. Валуев не без язвительности охарактеризовал воспитателя наследника таким образом:

le gouvernement Prussien un gouvernement modèle, un Type! je trouve que c'est très heureusement qualifié. Et quand je compare cette sagesse dans l'action avec le mouvement français on est obligé de convenir que depuis trente ans la France n'a rien appris et par conséquent rien à enseigner à l'Europe!» (РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 18 об.; подчеркивание автора. — М.В.).

17 Подробнее см.: [Лейбов, Осповат 2003; Чернуха 1999] и др.

Его мнения — какая-то смесь профессорского взгляда на просвещение, генеральского взгляда на профессоров, дворянского на помещиков, надежды на преодоление современных затруднений опирающихся на войско самовластием, и суждений о Польше и поляках, заимствованных из его воспоминаний о Минской губернии 1831 года [Валуев 1961: 121]¹⁸.

Тот же Валуев несколькими месяцами ранее зафиксировал в дневнике рассуждение бывшего попечителя о русской монархии в правление Николая I: «Гр. Строганов... даже сказал, что покойный государь “хотел все сам делать, а всего самому делать уже нельзя”...» [Там же: 99]¹⁹. Строганов чувствовал необходимость перемен, которые можно осторожно связать с перераспределением административных функций в самодержавной монархии. Как следствие, для преподавания наук наследнику он избрал нескольких профессоров с либеральными взглядами, в частности Сергея Михайловича Соловьева и Михаила Матвеевича Стасюлевича. Кроме того, молодой великий князь должен был изучать право под руководством ученого, чьи воззрения крайне симптоматичны в контексте наших рассуждений, — Бориса Николаевича Чичерина.

Чичерин был приглашен ко двору в роли одного из педагогов Николая Александровича в 1863 году и оставался в этой роли до 1865 года. К тому моменту выпускник Московского университета, непосредственный участник европейских дискуссий о праве, экстраординарный профессор Чичерин имел устойчивую репутацию апологета политической и гражданской свободы в английском духе, которая подразумевала ограничение административного произвола законом и идею представительства²⁰. До него законоведение Николаю читали специалист по полицейскому праву Иван Ефимович Андреевский (курс под названием «Энциклопедия права») и Константин Петрович Победоносцев (гражданское русское право), который сопровождал Николая Александровича в поездках по России. Согласно плану Строганова, Чичерину надлежало заняться с наследником государственным правом с акцентом на юридических и политических системах Англии и Франции (как мы видим, Пруссия уже не входила в сферу интересов бывшего попечителя)²¹.

По словам самого Чичерина, первая часть его «Курса государственной науки», напечатанная в 1894 году под названием «Общее государственное право», была основана на лекциях, которые он читал Николаю Александровичу²². В своем труде правовед обосновал принципы ограниченной монархии как идеального политического устройства:

В этой политической форме выражается полнота развития всех элементов государства и гармоническое их сочетание. Монархия представляет начало власти, народ, или его представители, начало свободы, аристократическое собрание постоянство закона, сдерживающего с одной стороны произвол единичной власти,

18 Запись от 15 октября 1861 года.

19 Запись от 13 апреля 1861 года.

20 См.: [Томсинов 2006: XVII—XIX, XXVIII—XXIX].

21 Об этом Строганов писал Чичерину 27 мая 1861 года, приглашая его занять должность преподавателя при наследнике: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 334. К. 5. Ед. хр. 8. Л. 1. См. также письмо Строганова Чичерину от лета 1862 года: [Чичерин 1929: 82—83].

22 См.: [Чичерин 1894: III]. В своих «Воспоминаниях» Чичерин отмечал: «...я представил графу Строганову свою программу. Он вполне ее одобрил...» [Чичерин 1929: 87].

с другой стороны необузданность свободы, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели. Идея государства достигает здесь высшего развития... [Чичерин 1894: 161].

Лучшей формой ограниченной монархии Чичерин считал конституционное правление, поскольку оно исходит не из сословной логики, а «из понятия о народе как совокупном целом, участвующем в верховной власти» [Там же: 167]. Далее лектор иллюстрировал теоретические выкладки разнообразными примерами из современной ему европейской истории, о России особо не упоминая. Вероятно, именно таким образом наследник престола и изучал государственное право: Чичерин прямо не призывал великого князя задуматься о введении представительства в империи, однако эта мысль могла внушаться ему косвенным образом, с помощью сравнения с политическими системами других стран. Как отмечал Чичерин в своих мемуарах: «Неизменным посетителем [лекций] был граф Строганов, который не раз выражал мне свое одобрение» [Чичерин 1929: 88].

В начале 1860-х годов одним из ближайших друзей Николая Александровича был князь Николай Алексеевич Орлов, сын начальника III Отделения, отличавшийся любовью к свободам, понятым в европейском смысле. Узнав о назначении Строганова руководителем образования наследника, Орлов писал цесаревичу в 1859 году:

Создать из Вас русского со всеми предрассудками уже нельзя. Вы в 16 лет далеко впереди людей с предрассудками и далеко впереди и Вашего семейства, и графа Сергея Григорьевича... Вы никогда не будете капралом... Вы всегда помните, что есть и другие народы в мире и что всегда можно поучиться... (цит. по: [Лейбов, Осповат 2003: 481]).

Нельзя сказать, что Николай Александрович разделял мечты Орлова о введении в России представительного правления, однако определенные упования на общую либерализацию политического режима с «*le future roi bourgeois*», как цесаревича называли при дворе, в обществе связывались [Там же: 480].

Впрочем, 12 (24) апреля 1865 года Николай Александрович умер, а наследником престола объявили второго сына Александра II великого князя Александра Александровича, ставшего в 1881 году императором Александром III. При жизни старшего брата Александр Александрович готовился к военной карьере, так что его общее образование оказалось несколько запущено. После 1865 года он прослушал целый ряд дополнительных курсов, призванных лучше подготовить его к будущему управлению империей. В частности, Александр Александрович брал уроки правоведения. Его единственным учителем в юридической науке стал Победоносцев, обладавший огромным политическим весом впоследствии — уже в царствование своего питомца. Таким образом, влияние взглядов Строганова и Чичерина на политические воззрения представителей российского императорского дома резко ослабло, в то время как мнения Победоносцева, сторонника неограниченного монархического правления, вполне передались новому наследнику²³. Как мы сейчас понимаем, со смертью Николая Александровича исчезли последние надежды на постепенную и естественную, некризисную трансформацию политической системы Рос-

23 О важности этого эпизода для истории России XIX века см., например: [Новая имперская история... 2017: 268].

сийской империи и на ее превращение в монархию, основанную на принципе неукоснительного соблюдения закона, о чем, возможно, граф Строганов впервые серьезно задумался именно в ходе чаадаевского дела.

Библиография / References

- [Алексеев 1987] — Алексеев М.П. К статье Пушкина «Джон Теннер» // Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 542—549.
- (Alekseev M.P. K stat'e Pushkina "Dzhon Tenner" // Alekseev M.P. Pushkin i mirovaya literatura. Leningrad, 1987. P. 542—549.)
- [Боленко 2006] — Боленко К.Г. Речь Д.В. Голицына на дворянских выборах 1822 года // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы XIII Голицынских чтений. Б. Вяземы, 21—22 января 2006 г. Б. Вяземы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, 2006. С. 268—282.
- (Boenko K.G. Rech' D.V. Golitsyna na dvoryanskikh vyborah 1822 goda // Khozyaeva i gosti usad'by Vyazemy: materialy XIII Golitsynskikh chteniy. B. Vyazemy, 21—22 yanvara 2006 goda. Bol'shie Vyazemy, 2006. P. 268—282.)
- [Буслаев 1897] — Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1897.
- (Buslaev F.I. Moi vospominaniya. Moscow, 1897.)
- [Валуев 1961] — Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 1: 1861—1864. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- (Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del: In 2 vols. Vol. 1: 1861—1864. Moscow, 1961.)
- [Велижев 2007] — Велижев М.Б. «Affaire du Téléscope»: переписка С.Г. Строганова и С.С. Уварова (октябрь 1836 года) // Пушкинские чтения в Тарту 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. С. 300—318.
- (Velizhev M.B. "Affaire du Téléscope": perepiska S.G. Stroganova i S.S. Uvarova (oktyabr' 1836 goda) // Pushkinskie chteniya v Tartu 4: Pushkinskaya epokha: Problemy refleksii i kommentariya. Tartu, 2007. P. 300—318.)
- [Велижев 2010] — Велижев М.Б. «Affaire du Téléscope»: С.С. Уваров и С.Г. Строганов в ноябре 1836 года // Пермьяковский сборник: В 2 ч. Ч. 2. М.: Новое издательство, 2010. С. 340—350.
- (Velizhev M.B. "Affaire du Téléscope": S.S. Uvarov i S.G. Stroganov v noyabre 1836 goda // Permyakovskiy sbornik: In 2 pts. Pt. 2. Moscow, 2010. P. 340—350.)
- [Велижев 2022] — Велижев М.Б. Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- (Velizhev M.B. Chaadaevskoe delo: ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast' v nikolaevskoy Rossii. Moscow, 2022.)
- [Вольперт 2001] — Вольперт Л.И. Пушкин и Токвиль (книга А. Токвиля «О демократии в Америке») // Пушкин и европейское мышление. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2001. С. 109—125.
- (Vol'pert L.I. Pushkin i Tokvil' (kniga A. Tokvilya "O demokratii v Amerike") // Pushkin i evropeyskoye myshlenie. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie. IV. Tartu, 2001. P. 109—125.)
- [Гегель 1990] — Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990.
- (Hegel G.W.F. Die Grundlinien der Philosophie des Rechts. Moscow, 1990. — In Russ.)
- [Дементьев 2016] — Дементьев И.О. «Страницы как будто для нас»: рецепция идей Алексиса де Токвиля в российской политической мысли XIX — начала XXI века // Место западных идей в российском общественном и правовом сознании: Сб. науч. ст. под ред. И. Дементьева, В. Чалого, А. Орловой. Калининград: Балтийский федер. ун-т им. И. Канта, 2016. С. 80—99.
- (Dement'ev I.O. "Stranitsy kak budto dlya nas": retseptsiya idey Aleksisa de Tokvilya v rossiyskoy politicheskoy mysli XIX — nachala XXI veka // Mesto zapadnykh idey v rossiyskom obshchestvennom i pravovom soznanii: Sb. nauch. st. Kaliningrad, 2016. P. 80—99.)
- [Дементьев 2020] — Дементьев И.О. «Точка отправления народов определяет их

- судьбы»: Петр Чаадаев и Алексис де Токвиль // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 3. С. 42—56.
- (*Dement'ev I.O.* "Tochka otravleniya narodov opredelyaet ikh sud'bu": Petr Chaadaev i Aleksis de Tokvil' // Slovo.ru: baltiyskiy aktsent. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 42—56.)
- [Из писем... 1900] — Из писем князя Вяземского к Жуковскому // Русский архив. 1900. № 3. С. 355—390.
- (*Iz pisem knyazu Vyazemskogo k Zhukovskomu // Russkiy arkhiv.* 1900. No. 3. P. 355—390.)
- [Кириченко 2002] — *Кириченко Е.И.* Москва при военном генерал-губернаторе князе Дмитрие Владимировиче Голицыне // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. М.: Мосгорархив, 2002. С. 16—40.
- (*Kirichenko E.I.* Moskva pri voennom general-gubernatore knyaze Dmitrii Vladimiroviche Golitsyne // Moskovskiy arkhiv. Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh. Iss. 3. Moscow, 2002. P. 16—40.)
- [Лейбов, Осповат 2003] — *Лейбов Р.Г., Осповат А.Л.* Стихотворение Тютчева «Сын царский умирает в Ницце...»: жанр, сюжет, контексты // Russian Literature. 2003. Vol. 54. No. 4. P. 475—503.
- (*Leybov R.G., Ospovat A.L.* Stikhotvorenie Tyutcheva "Syn tsarskiy umiraet v Nitsstse...": zhanr, syuzhet, konteksty // Russian Literature. 2003. Vol. 54. No. 4. P. 475—503.)
- [Новая имперская история... 2017] — Новая имперская история Северной Евразии: В 2 ч. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII—XX вв. Казань: Ab Imperio, 2017.
- (*Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrazii:* In 2 pts. Pt. 2: Balansirovanie imperskoy situatsii: XVIII—XX vv. Kazan', 2017.)
- [Общий алфавитный список... 1855] — Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною цензурою безусловно и для публики с 1815 по 1853 год включительно. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1855.
- (*Obshchiy alfavitnyy spisok knigam na frantsuzskom yazyke, zapreshchennym inostrannoyu tsen-suroyu bezuslovno i dlya publiky s 1815 po 1853 god vklyuchitel'no.* Saint Petersburg, 1855.)
- [Токвиль 2000] — *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / Пер. с фр. Е.П. Орловой. М.: Прогресс, 2000.
- (*Tocqueville A. de.* De la démocratie en Amérique. Moscow, 2000. — In Russ.)
- [Томсинов 2006] — *Томсинов В.А.* Борис Николаевич Чичерин (1828—1904). Биографический очерк // Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006. С. VII—XXX.
- (*Tomsinov V.A.* Boris Nikolaevich Chicherin (1828—1904). Biograficheskiy ocherk // Chicherin B.N. Obshcheye gosudarstvennoye pravo. Moscow, 2006. P. VII—XXX.)
- [Чаадаев 2010] — *Чаадаев П.Я.* Избранные труды / Сост., коммент и вступ. ст. М.Б. Велижева. М.: РОССПЭН, 2010.
- (*Chaadaev P.Ya.* Izbrannyye trudy / Ed. by M.B. Velizhev. Moscow, 2010.)
- [Чернуха 1999] — *Чернуха В.Г.* Утраченная альтернатива: наследник престола Великий князь Николай Александрович (1843—1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб.: Алетейя, 1999. С. 236—246.
- (*Chernukha V.G.* Utrachennaya al'ternativa: naslednik prestola Velikiy knyaz' Nikolay Aleksandrovich (1843—1865 gg.) // Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii XIX—XX vekov. Saint Petersburg, 1999. P. 236—246.)
- [Чичерин 1894] — *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: В 3 ч. Ч. 1: Общее государственное право. М.: Типо-лит. Высочайше утвержденного т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1894.
- (*Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoy nauki: In 3 pts. Pt. 1: Obshcheye gosudarstvennoye pravo. Moscow, 1894.)
- [Чичерин 1929] — Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929.
- (*Vospominaniya Borisa Nikolaevicha Chicherina.* Moskovskiy universitet. Moscow, 1929.)
- [Шоу 2003] — *Шоу Дж.Т.* Пушкин об Америке: статья «Джон Теннер» / Пер. с англ. Е.А. Мустафиной // Пушкин: Исследования и материалы: В 19 т. Т. 16—17. СПб.: Наука, 2003. С. 285—303.
- (*Shaw J.T.* Pushkin on America: "His John Tanner" // Pushkin: Issledovaniya i materialy: In 19 vols. Vol. 16—17. Saint Petersburg, 2003. P. 285—303. — In Russ.)
- [Эткинд 1999] — *Эткинд А.* Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России // Знамя. 1999. № 6. С. 179—203.
- (*Etkind A.* Inaya svoboda: Pushkin, Tokvil' i demokratiya v Rossii // Znamya. 1999. No. 6. P. 179—203.)
- [Riasanovsky 1977] — *Riasanovsky N.* On Lamennais, Chaadaev, and the Romantic Revolt in France and Russia // American Historical Review. 1977. Vol. 82. No. 5. P. 1165—1186.
- [Thurston 1976] — *Thurston G.J.* Alexis De Tocqueville in Russia // Journal of the History of Ideas. 1976. Vol. 37. No. 2. P. 289—306.